

Роман о сне и сновидениях

Профессор Жуве – гордость Франции, один из крупнейших ее ученых, член Национальной Академии наук, лауреат многих национальных и международных научных премий, достойный, несомненно, и Нобелевской премии, которую он, будем надеяться, еще получит. Впрочем, стоит напомнить, что такие величайшие ученые XX в., как Зигмунд Фрейд («комплекс»), Уолтер Кеннон («гомеостаз»), Ганс Селье («стресс») лауреатами Нобелевской премии так и не стали.

Жуве применил редкий литературный прием «ретроспективной фантастики»: он перенес своего *alter ego*, второе «я», на двести лет назад, погрузил его в гущу необыкновенных приключений, колоритных персонажей и, в конце концов, снабдил всеми знаниями, которыми обладает сам! Дело в том, что Жуве – крупнейший специалист по физиологии сна, которому современная наука о сне («сомнология», «гипнология» или «онейрология») обязана большей частью своих поразительных открытий. Жуве – личность почти легендарная, и его собственная жизнь также была достаточно интересна и насыщена событиями, о чем он рассказал в 2004 году в одной из своих последующих книг, а именно в романе «Похититель снов», действие которого происходит уже в наши дни.

Жуве родился в 1925 году недалеко от Лиона, в тех местах, где происходит действие романа. Его отец был врачом, но интеллект и уровень знаний этого человека намного

превышал «среднемедицинский». Вся семья была на редкость талантлива; так, брат Жуве (к сожалению, безвременно умерший) был самым блестящим физиком-теоретиком своего поколения во Франции... Во время Второй мировой войны Мишель Жуве, тогда студент-медик, был призван в армию, воевал под Страсбургом, был ранен. В период оккупации ушел в партизаны-маки, сражался в горах недалеко от Лиона. Имеет боевые награды. После войны Жуве закончил учебу во Франции и аспирантуру в США, в лаборатории крупнейшего нейрофизиолога Гораса Мэгюна. Затем вернулся во Францию, в родной Лион, на кафедру экспериментальной медицины Университета им. Клода Бернара, которую вскоре и возглавил, и оставался на этом посту более 30 лет, вплоть до своей отставки в 1995 г.

Жуве был одним из первых, кто в конце 1950-х гг. наблюдал и регистрировал электрофизиологические проявления парадоксального сна (быстрого сна, сна со сновидениями) у кошки. Справедливости ради следует отметить, что за несколько лет до него эти феномены у человека и кошки описали американские авторы – крупнейший специалист по проблеме сна первой половины XX в. Натаниель Клейтман и его аспиранты Юджин Азеринский и Билл Демент. Однако по-настоящему понял, *что* именно было открыто, создал новую *парадигму* (систему теоретических положений), именно Жуве. Согласно Жуве, парадоксальный сон (этот термин также принадлежит ему) – это не классический сон и не бодрствование, а особое, третье состояние организма, характеризующееся парадоксальным сочетанием активности мозга и расслабления мышц, как бы активное бодрствование, направленное внутрь.

В 1960-е гг. Жуве внес громадный, неопределимый вклад в физиологию сна. Им и его сотрудниками была изучена и досконально описана вся феноменология сна, его анатомическая основа, нейрофизиологические, биохимические, онто- и филогенетические аспекты... В числе экспериментальных открытий Жуве были и совершенно фантастические, достой-

ные Гуго Ласэва, — например, кошка, демонстрирующая свои сновидения (см. об этом: Эдриан Р. Моррисон. Окно в спящий мозг // В мире науки. М.: Мир, 1983, № 6, с. 62–71).

Одна из глубоких идей, заложенных в романе, заключается в том, что, по мнению Жуве, многие важнейшие природные явления можно наблюдать и изучать с помощью самых примитивных инструментов, и при этом правильно описывать; следовательно, они должны были быть открыты много веков назад — но почему-то этого не произошло! Как и многие ученые старшего поколения, Жуве недолюбливает компьютеры и другие современные сверхсложные приборы, считая, что они слишком отделяют, отдаляют, «отчуждают» ученого от объекта его исследования. Реальная история науки подтверждает, что *в действительности мы видим только то, о чем уже знаем*. Впрочем, обсуждение философских вопросов выходит за рамки этих скромных заметок.

Роман Мишеля Жуве «Замок снов» — фантастическое, историческое, философское, приключенческое и научно-популярное произведение. В нем есть все — и «острый галльский смысл», и тонкий юмор. Это уникальное явление мировой литературы — «роман о сне и сновидениях» — получило достойный отклик у читающей публики: весь первый тираж во Франции был распродан за несколько дней, книга получила одну из высших национальных литературных наград — премию имени Блеза Паскаля, присуждаемую за произведения в области «философии науки». Книга издана на немецком, голландском, итальянском, греческом, английском, испанском, португальском, японском, китайском языках.

Мой приятный долг — поблагодарить двух женщин, помогавших мне с переводом: мою сестру Анну и Веру Ивановну Покровскую.

*В. М. Ковальзон, доктор биологических наук,
член Европейского и Американского обществ по изучению сна*

Предисловие к русскому изданию

Действие романа развивается в замке Булинье (построенном в XI веке), который до сих пор еще существует возле городка Виллар-ле-Домб, в 30 км к северу от Лиона. Его странный вид посреди прудов становится частью онейрического пейзажа зимних Домб (туман, летящие птицы, бегущие звери). Гуго Ласэв последовательно изучает содержание своих собственных снов и составляет свою онейротеху. После встречи с выдающимся швейцарским энтомологом Шарлем Бонне Гуго Ласэв решает наблюдать спящих (животных или людей). Он становится *этологом* (выражаясь современным языком) и открывает большую часть объективных признаков сновидений. Под воздействием новой критики со стороны Шарля Бонне Гуго Ласэв пытается понять, *как* возникают сновидения. Теперь он становится *физиологом*, но все его опыты кончаются неудачей. Письмо Гуго Ласэва Шарлю Бонне и ответ Шарля Бонне представляют две разные точки зрения на науку о сновидениях.

Наконец, Гуго Ласэв понимает, что самая большая загадка, требующая своего решения – это *для чего* нужны сновидения. Вот почему он отправляется в Японию, чтобы попытаться изучить дельфинов, которые не видят снов, и исчезает на маленьком островке посреди архипелага Формозы. Этот *телеологический* аспект сновидений ещё предстоит открыть, поскольку невозможно определить функцию мозга с помощью разрушения различных его частей, если эта функция – результат работы всего мозга, как единого целого.

Гуго Ласэв высказывает гипотезу, что сновидения могут служить *«хранителями психологического различия между индивидуумами»*. Ведь что бы произошло, если бы можно было устранить сновидения у людей? Быть может, таким образом можно устранить потребность свободно мыслить? Такое общество без сновидений, не могло ли оно стать полностью поработанным под воздействием пропаганды какого-нибудь диктатора? Дискуссия между Гуго Ласэвом и Беатрисой в XXVII главе весьма актуальна и в наши дни, поскольку сейчас создаются всё более и более активные молекулы, способные подавлять сновидения у человека...

Я рад, что эта книга переведена на русский язык. Российская тема входит в роман в роли «оборотня». Его прообразом мог быть Андриан Епищев, т. н. «человекопес», который родился в России в Костромской губернии и был обследован Брока во Франции. Этот персонаж позволил мне рассказать об опытах моих друзей, Л. М. Мухаметова и В. М. Ковальзона, указавших на возможное отсутствие сновидений у дельфинов. Должен признаться, что много лет назад, в 1974 году, в Ленинграде, стоя перед портретом Ленина, я изложил свою теорию о функции сновидений – очень политически некорректную. За это я был вознагражден статьей, появившейся в «Литературной газете», в которой моя теория клеймилась, как абсурдная. Кто же оказался прав? Всё в мире изменилось с тех пор, но тайна сновидений по-прежнему остается неразрешимой.

В заключение, я хотел бы от всей души поблагодарить профессора Владимира Ковальзона, который так замечательно перевел эту книгу и преодолел все трудности, связанные с её публикацией.

Мишель Жуве,
июнь, 2006

Посвящается Беатрисе Монтъе и Гуго Ласэву
In memoriam

Предисловие

Я живу в нескольких десятках километров от Лиона в доме, расположенном на краю небольшой долины, где протекает Серена – речушка, по которой воды из Домбских прудов спускаются в Рону. Вот почему в октябре или ноябре, даже в сухую погоду, Серена может внезапно вздуться от глинистых стоков из спускаемых прудов. Я люблю места вокруг Домбских прудов и предпочитаю подниматься в гору для прогулок на этом солнечном плато, чем спускаться в долину Роны, где часто стелется туман.

Воскресным октябрьским утром 1982 года я поднялся до городка Виллар-Ле-Домб, где проходила осенняя ярмарка подержанных вещей. Там среди стенных часов и брессанских шкафов, а также старой рыболовной утвари я разглядел старинный сундук, какой уже давно искал: объемистый, обитый медью. На нем сохранились выжженные инициалы «HLS» и наполовину стертая дата «178...» Он был заперт на большой замок, и ключа не было. Мне понравились его форма и размер, и я представил себе, как здорово будет смотреться этот сундук в прихожей моего дома! Как полагается в такого рода делах, я вначале проявил интерес к брессанским стенным часам со сломанным механизмом и лишь потом сделал вид, будто только что заметил сундук. Откуда он взялся? Торговец этого не знал. Он перекупил его два года назад в Треву вместе с кучей всякого монастырского старья. Он сказал мне, что открыл сундук, но когда вновь закрыл его, замок заклинило.

Внутри не было ничего интересного: лишь несколько счетоводных книг с размытым текстом, которые следовало бы выбросить, если удастся снова открыть сундук. В конце концов, поторговавшись для забавы, я увез сундук, оказавшийся весьма тяжелым, с собой.

После нескольких безуспешных попыток открыть его разными старыми ключами я отложил это дело до лучших времен. И вот однажды мастер, занимавшийся всяким мелким ремонтом в моем старом доме, заявил, что для него это сущий пустяк! На следующее утро он принес ящик с множеством ключей и всяческих слесарных инструментов. Однако ему пришлось трудиться более часа, чтобы одолеть замок.

Сундук был заполнен связанными в пачки листами бумаги, испещренными мелким почерком; выцветшие чернила были еще вполне читаемы. В первой запыленной пачке оказались различные расчеты и описание какой-то конструкции из дуба и меди. На многочисленных листах перечислялись размеры каждой части (в сажнях или футах) и их цена (в ливрах или в экю). Я решил, что эти документы принадлежали какому-нибудь ремесленнику или даже архитектору... А вдруг они имеют ценность для истории? Я продолжал складывать листки, смахивая с них пыль, и вдруг с удивлением наткнулся на заголовок: «Размеры и стоимость весов для сновидений (1776)»... Весы для сновидений? Какому безумцу могло прийти в голову взвешивать сновидения? А может быть, это слово в XVIII веке имело совсем другой смысл? Меня охватило любопытство, и я стал тщательно разбирать стопки пожелтевших листов. Задачу упрощали даты, крупно написанные в начале, на первых пачках римскими цифрами, затем арабскими. Я начал читать около полудня и когда поздно ночью прервался, то оказалось, что я дошел лишь до половины.

Передо мной предстала доселе неведомая эпопея открытия естественной истории сновидений, которая двести лет была погребена в этом сундуке. Гуго Ласэв (Hugues la Scève, HLS — теперь я знал его имя) собрал около пяти тысяч записей своих собственных сновидений за двадцать лет бурной жизни,

заполненной войнами и путешествиями. Затем он попытался, судя по записям в дневнике, обнаружить некоторые закономерности в потоке записанных снов, потом заинтересовался изучением сна и, оказывается, задолго до современной нейробиологии открыл объективные признаки онейрической (сновиденческой) активности человека и животных и воссоздал естественную историю сновидений. Далее, похоже, Гуго Ласэв проводил опыты на кроликах, пытаясь найти причины сновидений и заручившись при этом сотрудничеством химиков и физиков. И, наконец, я нашел в сундуке, сбоку, в футляре из тюленьей кожи, письмо графа Лессепса от 1 ноября 1788 года. К нему прилагались плохо сохранившиеся листки — без сомнения, последнее письмо Гуго Ласэва.

Поскольку ни один из документов не был датирован позднее 1788 года, я понял, что не сам Гуго Ласэв, а кто-то другой, по всей видимости, некая Беатриса, собрал все эти документы, которые я извлек теперь из сундука.

Я решил не публиковать здесь все многочисленные записи сновидений, которые собираюсь отправить вместе с комментариями в специальный журнал. Из деликатности я убрал несколько писем, касающихся интимных связей автора, а также некоторые технические подробности (например, сметы на сооружение весов для сновидений, кольцеобразного вольера для хищников, печи с надстройкой и ретортами, медных люлек для онейрона и оргазмона). Кроме того, мне пришлось изменить фамилии некоторых лиц, упоминаемых Гуго Ласэвом, поскольку их потомки и поныне живут либо в районе Домбов, либо в Лионе или Париже.

Я расположил всю рукопись (почти целиком), а также сопровождающие ее письма в хронологическом порядке; вместе они составили около 30 глав.

Хотя я и не историк, но, чтобы помочь читателю, я решил уточнить некоторые исторические подробности в примечаниях.

И, наконец, в послесловии я посчитал нужным напомнить даты и обстоятельства «переоткрытий», сделанных лишь во второй половине XX века, через 200 лет после Гуго Ласэва.

Начало журнала снов

ДЕСЯТОГО ЯНВАРЯ 1765... Вот три сна, приснившихся мне сегодня ночью. Записываю их ранним утром, будучи удивлен ясностью, с которой они запечатлелись в моей памяти.

Ранее я не придавал никакого значения своим снам, забывая почти все. Почему же сегодня утром они столь живы в моей памяти? Как будто они содержат некое послание, смысл которого мне не ясен.

Сон № 1... Рядом с тем местом, откуда отправляются дилижансы, у площади Людовика Великого, я вижу большой стеклянный бассейн, наполненный водой. В нем более 10 футов высоты, от 30 до 40 футов длины, и он блестит на солнце. Внутри плавают рыбки. Крупная рыба, по всей вероятности щука, проплывает по белому брюху другой, дохлой рыбы. Затем еще большая рыба сжирает ее. Эта последняя почти немедленно заглатывается большим водяным змеем, который проходит через стеклянную стенку прямо на меня. И тут я вижу, что это не змей, а выдра! Внезапно я оказываюсь внутри бассейна и спрашиваю у выдры, сколько времени она может оставаться под водой. Она отвечает мне, что если захочет, то может оставаться под водой неограниченно, но вообще-то любит выныривать на поверхность каждые 4–5 минут, чтобы подышать...

Сон № 2... Во Фландрии кавалерийский офицер дает мне ордер на квартирование: название деревни и замка написаны по-фламандски. Я еду верхом и прибываю в эту деревню. На

стенах развешаны картинки с изображением обнаженной девицы по имени Святая Елизавета. Тогда я понимаю, что это бордель... Я встречаю еще двух французских офицеров, предлагающих мне разделить их трапезу. Я отказываюсь, так как тороплюсь в замок, где меня ждут. Переступив его порог, я оказываюсь в богатой парадной зале, где за столом сидят незнакомые люди. Все они в штатском, по всей вероятности фламандцы. Они не поворачиваются ко мне и остаются неподвижны. Я прохожу мимо них, стуча сапогами, а они ни пальцем не пошевелият, ни глазом не поведут — как восковые фигуры. Наконец справа, в закутке, я замечаю женщину, стирающую белье. Она оборачивается и знаком приглашает меня следовать за ней. Мы поднимаемся на второй этаж по большой лестнице и идем по длинному коридору. Затем она открывает дверь. Я вижу большую пустую комнату, куда свет проникает через окна с витражами. Посередине комнаты стоит большая ванна с водой. Женщина подходит к ванне и открывает дверцу сбоку, делая мне знак войти в нее. Я очень удивлен, что вода не вытекает. Женщина исчезает, и я оказываюсь один в этой комнате...

Сон № 3... Опять во время фландрской кампании вижу прусских пленных под конвоем. Некоторые ранены и лежат на телегах, которые толкают люди или тянут лошади. На некоторых телегах есть надписи по-немецки и на каком-то незнакомом мне языке — может быть, по-польски? Позже я оказываюсь в харчевне, сидящим за столом между русским и шведским офицерами. Пленный немецкий солдат подает нам суп. Это что-то вроде борща, крупно нарезанные овощи плавают в горячем бульоне. Мне нравится суп, поскольку я страшно голоден. Затем русские и шведские офицеры вскакивают и начинают очень громко петь на непонятном языке. Я пытаюсь подпевать им, но продолжаю сидеть...

Комментарии... Если не считать тему воды, то я не нахожу более ничего общего в этих сновидениях. Два последних определенно связаны с моим участием в кампании во Фландрии в 1757 году.

Имеют ли эти три сновидения какой-то скрытый смысл? Можно ли извлечь некую закономерность из последовательности воспоминаний о них? Природа, которая правит всем, должна также управлять и миром сновидений, и было бы крайне самонадеянным считать их лишь делом случая, не попытавшись выявить скрытую закономерность.

Итак, я решаю с сегодняшнего дня записывать все свои сновидения, при каждом пробуждении ночью или утром. Я буду описывать все подробности, даже самые интимные. Чтобы случайно не повторить уже записанное, не буду перечитывать их, пока не запишу, по меньшей мере, полторы тысячи. Кроме них буду записывать только, и то лишь в случае абсолютной уверенности, те события моей жизни в период бодрствования, которые могли повлиять на сновидения, дабы установить продолжительность их скрытой жизни в моей душе. Буду также детально описывать увиденные во сне предметы, если смогу уверенно опознать их, а также цвета, если они будут. И, наконец, представляется целесообразным записывать каждый день также случаи и происшествия из моей повседневной жизни, а также радостные или печальные переживания, например мои любовные связи, болезни или траур, которые тоже могут давать пищу для сновидений...

ШЕСТНАДЦАТОГО НОЯБРЯ 1771... Заморозки за одну ночь сбросили листья с плакучей шелковицы, растущей у оврага с южной стороны парка. Зима столь холодна, что мне приходится укрываться у большого камина в башне, защищенной от ветра северным крылом замка. Пруд замерз, и ветер наметает у камышей кучки снега. Птицы, кормящиеся рыбой, покинули нас заблаговременно, так как почувствовали, что с востока, из далеких равнин Татарии, надвигается мороз. Остались лишь стаи ворон, с криками неустанно кружащиеся в сером небе. Я приказал насыпать овса в зарослях, чтобы подкормить косуль, оленей и ланей. Каждое утро я делаю обход кормушек. Их надо регулярно наполнять, поскольку по утрам они пусты, и тонкий слой инея на пожухлой траве вокруг них испещрен мелкими «рогатками» следов копыт.

Неделю назад я записал свое полуторатысячное сновидение. Я начал это дело 6 лет назад, и теперь зимний досуг позволяет привести записи в порядок.

Прежде всего я попытался найти сны, которые могу датировать с точностью, когда обстановка и место сновидения соответствуют какому-то реальному событию моей жизни. После двух дней работы мне удалось на большом рулоне бумаги следующим образом распределить свои записи по годам:

в 1765 году — 300 записей снов, из которых 117 сюжетов опознаны и датированы, т. е. 39%,

в 1766 г. — 196, опознаны и датированы 70, т. е. 35%,
в 1767 г. — 236, опознаны и датированы 104, т. е. 44%,
в 1768 г. — 225, опознаны и датированы 98, т. е. 43%,
в 1769 г. — 193, опознаны и датированы 60, т. е. 31%,
в 1770 г. — 214, опознаны и датированы 63, т. е. 29%, и,
наконец,

в 1771 г. — 136, опознаны и датированы 38, т. е. 28%.

Два последующих дня я потратил на изучение различных классов датированных снов. Наиболее многочисленны те, которые связаны с каким-либо событием предшествующего дня. Я назвал их «дневной осадок». Есть также сны, связанные с событиями предыдущего дня, двухдневной и даже месячной давности. В эту категорию входят триста двенадцать записей сновидений из четырехсот восьмидесяти. Сто шестьдесят восемь оставшихся связаны с более давними событиями (год, десять лет, двадцать лет назад). Я рассмотрю их позже, если будет время.

Мне кажется, что способности запоминать сновидения у меня постепенно снижаются. Связано ли это с возрастом (память у меня слабеет)? С привычкой? С моими многочисленными путешествиями? Или же были такие ночи, которые я провел в чужом месте, когда не было времени записывать сны? А может быть, это просто результат уменьшения числа ночных сновидений, поскольку я заметил, что мой сон стал гораздо менее глубоким, чем раньше?

Тем не менее я могу рассмотреть довольно много сновидений, сюжеты которых опознаны по времени и по месту. Так, четыреста восемьдесят записей о сновидениях из тысячи пятисот легко связываются с реальными событиями моей жизни (т. е. тридцать два процента). Следовательно, один сон из трех достаточно точен, чтобы можно было связать его содержание с возбуждением моей души в период бодрствования. С другой стороны, в двух третях случаев воспоминание о сновидениях не связывается ни с каким событием моей реальной жизни, либо потому, что сон слишком неопределен и расплывчат, либо потому, что он слишком обычен, чтобы

связывать его с какой-либо конкретной датой, либо, наконец, потому, что он слишком фантастичен.

Количество сновидений, в которых встречаются события вчерашнего дня, составляет половину «осадков дня»; сны о событиях двухдневной давности встречаются в два раза реже, сны трехдневной давности — еще в два раза реже и т. д. Однако эта поразительная экспоненциальная кривая внезапно разрывается пиком воспоминаний в сновидениях событий семидневной давности. Количество этих воспоминаний достигает половины количества «дневных осадков» и, следовательно, равно количеству воспоминаний прошлого дня.

Интервалы времени	Воспоминания в снах в процентах	
0	35	«осадок дня»
1	18	вчерашний день
2	10	позавчерашний день
3	5	—
4	3	—
5	3	—
6	2	—
7	4	—
8	16	неделю назад
9	0	—
10	2	—

Я могу довольно легко интерпретировать первую половину этой кривой типа $y = 100 \times e^{-x}$. Она означает, что существует экспоненциальное снижение следа события, возникающего в сновидениях. Я полагаю, хотя и не нашел описания подобной зависимости в трудах натурфилософов, таких, как Лейбниц или Ш. Бонне, что дело обстоит таким же образом и в отношении воспоминаний о предшествующих событиях в период бодрствования. Воспоминания о сновидениях подчиняются, следовательно, математическому закону. Они не возникают случайно. Однако меня интригует пик седьмого дня.

Может ли идти речь о неизвестном математическом законе? Поскольку мои познания в математике весьма ограничены, надо поговорить об этом с аббатом Бертолоном или г-ном Ледуком, астрономами и математиками из нашего Клуба любителей природы.

Когда я составил эту первую кривую, мне захотелось продолжить исследования и на сей раз изучить записи о сновидениях, сделанные в ходе моих многочисленных путешествий. Я рассматривал лишь путешествия, длившиеся не менее 8 дней. Таких путешествий было 8 в течение этих 5 лет, согласно нижеследующему списку:

Список моих путешествий

1. 1765: Поездка в Берлин, встреча с Фридрихом Прусским (три месяца).

2. 1766: Путешествие в качестве хирурга на борту «Решительного». Посещение Антильских островов (четыре месяца).

3. 1767: Поездка в Стокгольм и Упсалу (два месяца).

4. 1768: Поездка в Павию. Встреча с Лаззаро Спалланцани (один месяц).

5. Поездка в Лондон (один месяц).

6. 1769: Поездка в Лейден и Магдебург. Возвращение с ездом в Небесную империю (два месяца).

7. 1770: Поездка в Париж. Встреча с Дидро (один месяц).

8. Поездка в Берн. Встреча с г-ном фон Галлером (три недели).

При этом я выяснил следующие факты, связанные с началом, продолжительностью и окончанием моих путешествий.

Прежде всего, я был очень удивлен, убедившись, что в течение первых 6 или 7 дней поездки почти все воспоминания в сновидениях приходились на мой замок Булинье или его непосредственное окружение, лесной пруд или пруд замка, домбские пейзажи. Даже если в снах возникали лица людей, встреченных в ходе путешествия – в Париже, в Лондоне или на борту «Решительного», – все они находились в районе Домб, причем эта странность не вызывала ни удивления, ни пробуждения.

Оказалось, что чем дольше длится путешествие, тем чаще возникает в сновидениях новый пейзаж, так что через 15 дней большинство событий в запомнившихся сновидениях относится уже к странам, в которых я в тот момент нахожусь.

И наконец, по возвращении из путешествия я отметил незначительное увеличение запоминающихся сновидений.

Затем я заметил, что, хотя я и спал в своем замке, но в течение первой недели почти все события в моих сновидениях проходили в обстановке, которую я оставил. Постепенно сюжеты сновидений снова перемещались в район Домб. Вот пример:

Поездка в Берлин в сентябре 1765 г.

Выехав из Страсбурга, где я останавливался на несколько дней, я прибыл в Берлин.

4 сентября, на станции в Ландау, снов не снилось.

5 сентября было 2 сновидения. Первое касалось собак, оставленных в Булинье. Я просил немецкую служанку постоялого двора, с которой встретился почему-то возле своего замка, дать им куриные кости. Затем я искал ее повсюду, потому что знал, что для собак опасно есть куриные кости, так как в свое время потерял одну собаку от прободения желудка.

Во втором сне я сильно удивлялся, что на двери моей комнаты в постоялом дворе висит табличка с фамилией одного из жителей Булинье.

6 сентября, третья ночь в Дармштадте. Еще один сон о моих собаках. У Готарда переднюю правую лапу оторвало волчьим капканом. Я глажу его. Сцена происходит, совершенно очевидно, в Домбах.

7 сентября, четвертая ночь во Франкфурте. Пять сновидений, из которых два, без сомнения, связаны с Домбами. Мне снилось, что в гости в мой замок приехали старые друзья из армии, которым я рассказываю о предстоящем путешествии в Пруссию. В моем кабинете есть большая карта Европы, и я вкалываю булавки в эту карту в те места, где есть станции для дилижансов. Находясь по-прежнему в башне замка, я замечаю, что на потолке образуется подтек, который постепенно разрастается, и вода начинает хлестать, как водопад.

Затем есть два сновидения общего характера, без точной привязки к какому-либо событию.

И, наконец, один сон, связанный с предыдущим днем. По прибытии дилижанса ко мне, таясь, подходит немец. Он хочет продать мне из-под полы политические листовки против австрийского императора. Я отказываюсь.

8 сентября, пятый день.

Я останавливаюсь в небольшой деревушке на границе между Гессеном и Тюрингией. Знакомлюсь с одним русским дворянином и его очаровательной женой. Мы сидим за столом, беседуем, пьем много пива. Она улыбается, называет своего мужа Юрой. В эту ночь у меня был лишь один сон. Я был в Юрском горном массиве, где встретился с горцами, рассказавшими мне о подвигах капитана Лакюзона во время войны против французов и шведов более ста лет назад. Проснувшись, я понял, что Юрский массив, наверное, связан с образом этой хорошенькой русской женщины¹.

9 сентября, шестой день. Прибытие в Эрфурт. Никаких воспоминаний о сновидениях.

10 сентября, седьмой день. Прибытие на станцию к югу от Галле. Никаких воспоминаний о сновидениях.

11, 12, 13 и 14 сентября, восьмые-двенадцатые сутки путешествия. Прибытие в Галле и пребывание в этом красивом городе с целью посещения Академии Леопольдины.

Начиная с этой даты, почти все события в моих сновидениях происходят уже в Германии, и воспоминания о Домбах всплывают лишь 13 раз за все последующее время путешествия (то есть только 14 процентов случаев).

Я вернулся в Домбы после двухмесячного пребывания в Пруссии. Я ехал через Швейцарию, и проезд от Нейштателя до Булинье занял у меня всего три дня. Вот сны, которые приснились мне по приезде в замок.

15 ноября, первая ночь. Никаких воспоминаний о сновидениях, по всей вероятности из-за слишком сильной усталости.

16 ноября, вторая ночь. Смотрю парад Гвардии Фридриха II. Не знаю, как надо отдавать честь императорскому флагу.

Слышу грохот барабана, но никаких звуков духовых. Встречаюсь с немецким натуралистом, служащим при Дворе в Берлине. Он говорит мне, что я должен написать статью о своей будущей работе для Берлинской Академии, и дает мне немецкую газету, название которой мне не удастся прочитать.

17 ноября. Третья ночь. Сладострастное сновидение, касающееся одной встречи на постоялом дворе при выезде из Берлина. Два других сновидения общего характера, без точной локализации событий в прошлом.

18 ноября. Четвертая ночь. Сон об аварии дилижанса, происшедшей, по всей видимости, в Германии, потому что я помню немецкие ругательства. *Godferdam...*

19 ноября. Пятая ночь. Три сновидения. Два из них по-прежнему связаны с Германией или с Пруссией. В первом я стою у края большого бассейна с фонтаном во дворе какого-то дворца. Я вижу, что кто-то подходит издали, маленького роста, в большой шляпе, и держит пакет в правой руке. Мне кажется, что это г-н де Вольтер, и я бросаюсь к нему, но оказывается, что это офицер-сокольничий Фридриха II, держащий на правой руке сокола в кожаном колпачке. У этого офицера пронзительный взгляд, у него глаза, как у сокола. Он смотрит на меня настолько пристально, что мне хочется бежать... По дороге домой в Баварии я встречаюсь с хирургом королевских армий. Я узнаю его по форме, но черты его лица мне незнакомы. Он спрашивает меня, был ли я в доме № 63 по Променадгассе в Вене, где располагается отличный публичный дом. Отвечаю ему, что я был не в Вене, а в Берлине...

Третий сон вновь связан с домбскими воспоминаниями. Я сижу в дилижансе рядом с возницей и вижу пруды, блестящие в закатном солнце. С удивлением я констатирую, что вместо четырех лошадей, которые везли нас обычно, осталось только две.

Начиная с шестой ночи, доля снов, касающихся моей поездки в Германию, постепенно снижается, вытесняясь снами, сюжеты которых протекают на Домбской равнине².

Из этого, как мне кажется, можно вывести следующее заключение: в процессе сновидений срабатывает механизм воспоминаний, который рассматривает предпочтительным образом события, прожитые 7–8 дней назад (поскольку воспоминания о сновидениях, касающихся событий недельной давности, составляют примерно половину всех записанных сновидений). Хотя я и далеко не эксперт в расчетах вероятности, мне кажется, что это новое открытие, сделанное благодаря запомнившимся снам, записанным в ходе моих путешествий, подтверждает то открытие, которое я сделал ранее, рассматривая сновидения, не касающиеся путешествий.

Таким образом, впервые я могу записать новые закономерности, касающиеся времени, связанного со сновидениями:

Закон № 1.

Воспоминания о реальном событии в сновидении могут быть в точности определены в пространстве и во времени лишь в 33% случаев.

Комментарий: Эта закономерность позволяет мне поставить под сомнение известное высказывание: «*Nihil est in intellectu somniorum quod non fuerit prior in sensu nisi ipse intellectus*³». В самом деле, если в оставшихся двух третях случаев я могу допустить, что 80 процентов запомнившихся снов являются слишком общими и неопределенными, чтобы можно было точно датировать события, в них происходящие, все же остается 20 процентов фантастических снов, к чему я еще вернусь, которые не могут быть памятью моего сознания или моего внимания в процессе бодрствования. Однако невозможно все же полностью отбросить эту латинскую поговорку «*nihil est in intellectu somniorum quod non fuerit prior in sensu*⁴», поскольку нельзя исключить того, что определенные события могли возбудить мои чувства без того, чтобы я обратил на это внимание.

Закон № 2.

Что существует экспоненциальное сокращение интервала времени между определенными событиями, произошедшими

³Нет ничего в сонном сознании, чего не было бы ранее в ощущении (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru